

Однако, учитывая уровень интеллекта Хуянь Му, Бай Юэцзэ не верил, что идея устроить засаду на Циянь Хаои с помощью западных племён принадлежала ему самому. Тот, кто стоял за этим планом, был настоящим мастером, желающим смерти Циянь Хаои. Бай Юэцзэ задумался на мгновение, размышляя, как заставить этого человека проявиться, но почувствовал головокружение и слабость, едва сдерживаясь.

Бай Юэцзэ уже собирался попросить всех, кто стоял у его кровати, уйти, как дверь спальни открылась, и вошли мужчина и женщина, неся на руках Циянь Чисяо. Бай Юэцзэ удивился, почему Цзиньбао, Иньбао, Тунцян и Бай Мои ещё не скрылись, но, увидев знак Бай Мои, понял, что все четверо уже приняли облик простых людей, одетых как слуги.

Вошедших слуг Бай Юэцзэ узнал: это были старые слуги, которых Бай Цзыюэ привёз из государства У. Охранника звали Ся Чжаоинь, а служанку — А Му, оба были преданными слугами Бай Цзыюэ много лет. Ся Чжаоинь и А Му ранее находились в императорском мавзолее Бай Цзыюэ, а недавно Циянь Хаои вызвал их, чтобы они заботились о Бай Юэцзэ и Циянь Чисяо. Увидев их, Бай Юэцзэ почувствовал глубокую благодарность.

Бай Юэцзэ посмотрел на мужчин и женщин у своей кровати и понял скрытый смысл. Циянь Хаои не доверял слугам в доме и специально вызвал старых слуги Бай Цзыюэ, чтобы ухаживать за Бай Юэцзэ. Бай Цичжао, не доверяя планам Циянь Хаои, под предлогом старшего брата из клана Бай втиснул в дом Цзиньбао, Иньбао, Тунцян и Бай Мои. Цзиньбао, Иньбао и Тунцян — это лишь детские имена трёх слуг Бай Юэцзэ, и теперь они использовали свои настоящие имена: Цзинь Сяо, Инцюань и Тун Цян. Бай Мои был личным охранником старшего принца клана лис Бай Цичжао, и, учитывая серьёзность ситуации, Бай Цичжао не доверил это дело никому другому, послав своего самого верного воина. Конечно, забота о Бай Юэцзэ не нарушала законы Небесного Императора, тем более что состояние Бай Юэцзэ не позволяло Бай Цичжао думать о чём-то ещё. Кроме того, Циянь Хаои с самого начала боялся Бай Цичжао, и теперь, когда ему не хватало людей, которым он мог бы полностью доверять, ему оставалось лишь подчиниться. Дом четвёртого принца явно не будет спокойным.

Чисяо радостно крикнул:

— Папа!

и тут же вырвался из рук А Му, подбежал к кровати, взобрался на неё и крепко обнял Бай Юэцзэ.

Все замерли, увидев, как Чисяо сел на живот Бай Юэцзэ, и коллективно затаили дыхание.

Бай Юэцзэ слегка поморщился, но позволил сыну обнимать себя, лишь незаметно отодвинул его немного в сторону и слегка перевёл дыхание.

— Папа, ты ранен? — Чисяо, насладившись объятиями, наконец вспомнил, что пришёл навестить больного.

— Папа лишь слегка ранен, через несколько дней всё пройдёт, и я снова смогу учить тебя читать и ездить верхом... — с улыбкой ответил Бай Юэцзэ.

— Но они говорят, что папа — монстр и скоро умрёт... — лицо Чисяо покраснело от обиды, и он был готов заплакать.

Бай Юэцзэ на мгновение замер, но сразу понял, кто мог сказать такие слова. Цзиньбао, Иньбао и Тунцян, услышав это, чуть не позеленели от злости.

— Чисяо, не слушай их, папа скоро поправится, — ласково погладил Бай Юэцзэ голову сына, в его глазах была нежность, но в глубине зрачков мелькнул холодный блеск.

— Папа не умрёт? — Чисяо тут же обрадовался.

— Конечно нет! — Бай Юэцзэ кивнул и снова погладил сына по голове.

— ...Тогда папа не бросит Чисяо? — малыш схватил одежду Бай Юэцзэ, широко раскрыв большие чёрные глаза, полные надежды.

Сердце Бай Юэцзэ сжалось:

— ...Папа, конечно, не бросит Чисяо... Папа...

Бай Юэцзэ не смог продолжить.

Уйти или остаться — Бай Юэцзэ и так был в смятении. Хотя он хотел уйти и продолжить свою беззаботную жизнь бессмертного, он не мог отрицать, что здесь осталось слишком много того, что он не мог оставить...

Бай Юэцзэ помолчал, осторожно поддерживая спину сына, и спросил:

— Чисяо, если папа уйдёт на некоторое время, может, надолго... но потом, много-много лет... ты сможешь быть с папой, ты согласен?

Чисяо моргнул. Слова Бай Юэцзэ он не понял, но «уйдёт на некоторое время» он уловил. Малыш замер, затем лицо его исказилось, и он громко зарыдал:

— Папа снова бросает Чисяо... Чисяо будет хорошим... Я буду хорошим, папа, папа, не бросай меня...

Чисяо рыдал так, что сердце разрывалось. А Му, Цзиньбао, Иньбао и Тунцянь все вместе пытались его успокоить, но безрезультатно.

Бай Юэцзэ тоже покраснел от слёз и снова начал слегка кашлять. Он крепко обнял сына и, сдерживая слёзы, утешал:

— Ладно, ладно, папа никуда не уйдёт! Папа будет с тобой всю жизнь, папа будет рядом с тобой всю жизнь...

Чисяо плакал с такой силой, что выглядел крайне жалко. Его чёрные узкие глаза и длинные ресницы были полны слёз, а пухлые губы дрожали от рыданий, будто он пережил величайшую несправедливость.

Бай Юэцзэ, терпя боль в животе, крепко обнял сына и мягко успокаивал его, пока малыш постепенно перестал рыдать, лишь тихо всхлипывая.

А Му, Цзиньбао, Иньбао и Тунцянь, проявив такт, принесли большой поднос с различными сладостями. Чисяо, сидя на руках у отца, смотрел на вкусные угощения, но его маленькие ручки не отпускали одежду Бай Юэцзэ, и он даже забыл тихо всхлипывать.

Увидев это, Бай Юэцзэ не смог сдержать улыбки. Он взял одно из угощений и поднёс его к губам сына. Чисяо тут же обрадовался, открыл рот и начал есть, но руки всё ещё крепко держались за одежду Бай Юэцзэ.

Когда малыш успокоился, все вздохнули с облегчением.

Бай Юэцзэ только недавно очнулся, и после всех этих событий начал чувствовать усталость, постепенно проявляя признаки изнеможения. Все увидели это и хотели увести маленького хозяина, чтобы Бай Юэцзэ мог отдохнуть. Но сколько они ни уговаривали, Чисяо не отпуская отца, и, когда губы его снова начали дрожать, все тут же сдались.

Бай Юэцзэ, кормя сына сладостями, с улыбкой сказал:

— Чисяо, когда вырастешь, станешь настоящим мужчиной, и тогда уже не будешь плакать...

Чисяо моргнул, явно не понимая, и спросил детским голосом:

— ...Папа, настоящий мужчина — это как папа?

Папа? Циянь Хаои?

— ...Кх-кх-кх... — Бай Юэцзэ поперхнулся.

— Тётя сказала, что папа, который может вести войска и сражаться, — это настоящий мужчина на равнинах... — Чисяо, не замечая смущения отца, говорил всё более оживлённо, а на уголках глаз ещё блестели слёзы.

Глядя на редкую радость сына, Бай Юэцзэ не знал, кивать ли ему или нет, и лишь вздохнул.

Тётя, о которой говорил Чисяо, была старшей сестрой Циянь Хаои, третьей принцессой государства Лян, Циянь Хаоцзинь. Бай Юэцзэ подумал, что, в общем-то, она не ошиблась в воспитании Чисяо. Ведь она не могла сказать ему: «Твой принц-отец подозрителен и доверчив, из-за чего твой настоящий отец чуть не умер в пещере, рожая тебя; твой принц-отец труслив и беспечен, оставил государство и тебя ради своей прихоти, прятался в мавзолее твоего отца пять лет, а ты чуть не умер от голода из-за его наложницы; твой принц-отец — дуб, который не может понять очевидного; твой принц-отец — гнилое дерево, полное предрассудков и самомнения, не способное на элементарное общение...» Бай Юэцзэ, размышляя в этом направлении, почувствовал, как на лбу у него выступили три чёрные линии, и ещё больше поблагодарил третью принцессу, ведь если бы его сын вырос с таким представлением о своём отце, он бы либо стал коварным, либо психологически нездоровым, либо убил бы правителя, либо совершил бы отцеубийство...

- Мысли персонажа оформлены «ёлочками» согласно требованиям форматирования.
- Все китайские имена и термины переведены согласно глоссарию (например, клан лис).

<http://bllate.org/book/17679/1648088>